

ИСТОЧНИК

ЗА ГОРАМИ СУЩЕСТВУЕТ ТО,
РАДИ ЧЕГО ЛЮДИ ГОТОВЫ
ИСЧЕЗНУТЬ НАВСЕГДА.

АВТОР

ВУІ

ВУІ

Источник

«Автор»

2026

ВУІ

Источник / ВУІ — «Автор», 2026

За горами существует то, ради чего люди готовы исчезнуть навсегда. Много лет назад странник показал людям путь к Источнику. С тех пор одни отправлялись на его поиски и исчезали без следа. Другие возвращались настолько изменившимися, что предпочитали молчать о том, что увидели за горами. После смерти матери Гринвич остаётся один на один со старой картой к Источнику и вопросами, на которые никто не спешит отвечать. Чем дальше он уходит от дома, тем труднее поверить, что мать действительно хотела, чтобы он нашёл то, что так долго искала сама.

Содержание

Глава 1. Второй	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

ВУІ

Источник

Глава 1. Второй

Гринвич проснулся до рассвета, задолго до того, как небо над лесом посерело. Мать умерла три часа назад. Голос покинул её прежде, чем она договорила всё, что хотела сказать. Перед смертью она вложила ему в руки карту, начерченную на куске потемневшей ткани, и прошептала, что её оставил странник, приходивший в деревню лет двадцать назад. Об Источнике за горами тот говорил коротко и неохотно, точно сам не верил собственным словам. Позже в деревне поговаривали, что после него по этой же дороге уходили и другие, но никто так и не вернулся, чтобы рассказать, что видел в тех краях.

Гринвич разложил карту на коленях и долго смотрел на неё, словно надеялся понять больше, чем понимала мать. Нож и фляга: вот и всё, что он решил взять кроме неё, и мешок был слишком лёгким для человека, уходящего в долгий путь. Он поправил ремень на плече дважды, хотя тяжести в мешке не могло быть.

У калитки его дожидался старый Ансельм. Он стоял, опираясь на посох обеими руками, и не сводил глаз с Гринвича.

«Не ходи», — сказал он вместо приветствия.

«Её больше нет, — ответил Гринвич. — Пора».

Ансельм покачал головой, словно не этого ответа ждал.

«Она столько раз уходила в горы, — сказал он. — И каждый раз возвращалась. Хотя тот странник не появился больше никогда. Не вернулись и те, кто пошёл по его следам. Одна она снова и снова приходила домой, постаревшая больше, чем должна была за этот срок, и никто в деревне так и не понял почему».

«Значит, теперь я должен найти ответ», — сказал Гринвич.

Ансельм шагнул ближе и понизил голос, будто боялся, что их услышат за забором.

«Перед смертью она просила меня об одном, — промолвил старик. — Удержать тебя здесь. Я обещал ей и нарушаю обещание одним тем, что говорю тебе об этом сейчас».

«Тогда зачем говоришь?» — ухмыльнулся Гринвич.

«Потому что ты всё равно уйдёшь», — сказал Ансельм, отводя взгляд.

«Если она хотела меня остановить, почему отдала карту?» — в голосе Гринвича не было сомнения, только усталость.

«Кто бы знал, — вздохнул Ансельм. — Одни верят, что то место за горами исполняет любое желание. Другие, что после него человек перестаёт быть человеком».

Дорога вела через лес, а дальше должна была свернуть в горы. Там, где чернила на ткани редели и наконец пропадали вовсе, кто-то другой, не мать и не странник, дописал позже мелким неровным почерком одно слово: «Второй».

Гринвич провёл по нему пальцем, как если бы мог стереть его и найти под ним что-то другое. Слово держалось крепко, глубоко въевшись в ткань, будто пролежало там долгие годы.

Тьма напознала на луну медленно, край за краем, пока от неё не остался только тонкий щербатый серп над верхушками деревьев. Такое же затмение стояло в небе двадцать лет назад, в ночь, когда мать впервые ушла по этой дороге, и такое же — этой ночью, когда она умерла. В деревне давно перестали считать это совпадением: затмение здесь означало одно — кто-то уходит и не возвращается, либо возвращается не тем, кем был.

Гринвич сделал первый шаг в сторону леса, туда, где поднимались гигантские деревья и заканчивались все известные ему дороги.

* * *

Лес принял его сразу. Несколько шагов по тропе, и деревня осталась где-то позади, словно её никогда не существовало. Гринвич шёл вдоль тропы, пока трава под ногами не сменилась палой хвоей, и щербатая луна то показывалась между ветвей, то пропадала совсем, оставляя ему только звук собственных шагов.

Он остановился там, где тропа раздваивалась, и достал карту. Мать вела пальцем по этой линии столько раз, что след её руки, казалось, остался на ткани глубже, чем сами чернила. Дорога на карте шла прямо, никуда не сворачивая, до самой опушки, а после опушки поднималась в горы одной ровной чертой. Но перед ним лежали две тропы, и ни одна не была прямой.

Гринвич присел на корень и разложил ткань на колене, вглядываясь в неё так, точно она могла заговорить, если смотреть достаточно долго. Левая тропа шла вниз, к ручью, которого на карте не было вовсе. Правая поднималась между стволами такой толщины, что мать, наверное, не смогла бы обхватить их руками. Он попробовал вспомнить её голос, объяснявший этот путь, но вспомнил только, как она вложила ему карту в руки и замолчала навсегда.

Слово на обрыве чернил, то самое, дописанное чужой рукой, тревожило его больше, чем сама развилка. «Второй». Он поднял голову, оглядывая просветы между деревьями, будто ждал, что кто-то ответит на незаданный вопрос, но лес молчал так же, как молчала теперь мать.

Он выбрал правую тропу не потому, что был в ней уверен, а потому, что она вела вверх, а горы на карте были нарисованы выше леса, и это было единственное, в чём сходились ткань и то, что он видел собственными глазами. Убирая карту за пазуху, он подумал, что мать, должно быть, стояла когда-то на этом же самом месте и выбирала между теми же двумя тропами, и эта мысль отчего-то придавала ему сил больше, чем любые её возможные слова.

* * *

Тропа поднималась между стволами так медленно, что Гринвич не сразу заметил перемену. Деревья за спиной стали гуще, чем впереди, а хвоя под ногами сменилась влажным, почти беззвучным мхом. Он шёл уже долго, дольше, чем позволяли силы.

Когда он остановился перевести дыхание, ему почудилось движение слева, у самой границы зрения, там, где ствол старой ели раздваивался у корня. Он повернулся резко, всем телом, и не увидел ничего, кроме ели, корня и обычной лесной темноты между веток. Луна светила слабо сквозь щербатый свой край, и от этого тени под деревьями казались глубже, чем должны были быть в такой час.

Гринвич сказал себе, что это просто усталость, что глаза устают смотреть в темноту и начинают достраивать то, чего нет. Он почти поверил себе, пока снова не уловил движение, теперь справа, на таком же расстоянии и с той же стороны, куда он не смотрел.

Он не побежал. Матери, наверное, тоже приходилось сталкиваться с этой же тенью, и она возвращалась каждый раз, хотя другие не возвращались вовсе. Если она смогла пройти этот лес и остаться собой, то и он сможет. Мысль эта была слабой опорой, но другой у него не было.

Он шёл дальше, не оглядываясь, хотя каждый шаг отдавался в спине ощущением чужого взгляда, ровного и неторопливого, как у зверя, который знает, что добыча никуда не денется. К тому времени, как деревья начали редеть, Гринвич уже не был уверен, боится ли он темноты позади себя или того, что тревога станет такой же частью пути, как тропа, карта и гора впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.